

РИК
МОФИНА

РИК
МОФИНА

ЕСЛИ
АНГЕЛЫ
ПАДУТ

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44
М85

Rick Mofina
IF ANGELS FALL

Copyright © Rick Mofina, 2000. This edition published
by arrangement with Lorella Belli Literary Agency,
Ltd and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского языка *Александра Шабрина*

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

М85 Мофина, Рик. Если ангелы падут / Рик Мофина ; [перевод с английского А. Шабрина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-103322-4

Опаляющий сердце триллер от автора международных бестселлеров. От человека, который очень хорошо знает, что такое быть криминальным репортером. Потому что сам был им много лет. Он сполна ощутил страдание жертв и их близких, напряжение и боль стражей порядка. Он лично общался с преступниками, чье сознание вывернуто наизнанку. Весь этот богатейший опыт Рик вложил в свою книгу.

Блестящий журналист Том Рид был уверен, что вышел на зверя, за которым охотился весь Сан-Франциско. Жестокого убийцу двухлетней девочки. Рид пришел к нему в одиночку и объявил, что дни мерзавца сочтены. Не дожидаясь правосудия, тот покончил жизнь самоубийством... но оказалось, что это дичайшая ошибка. Имя, репутация, все пошло прахом. Том на грани саморазрушения. А зверь все еще в городе — и вот начались новые похищения детей. Рид получил второй шанс открыть правду. И этот шанс будет стоить ему гораздо, гораздо больше, чем прошлый. Он узнает, что такое настоящая бездна одержимости, по сравнению с которой его собственная одержимость — ничто...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Кан)-44

© Copyright © Rick Mofina, 2000. This edition
published by arrangement with Lorella Belli
Literary Agency, Ltd and Synopsis Literary Agency

© Шабрин А.С., пер. на рус. язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-103322-4

ООО «Издательство Эксмо», 2019

Посвящается Барбаре, Лоре и Майклу

■

Дэнни снова видел перед собой ту девочку.

Когда поезд метро трогался от станции «Колизей», он поднял глаза и обмер, завороженный ее застывшей улыбкой, отрешенным взором и тем, что она не разговаривает.

Совсем.

Она мертва.

Горло ее было перерезано, а тело засунуто в черный мусорный мешок и спрятано в парке «Золотые ворота».

Ей было два года, и звали ее Танита Мари Доннер. Две одиннадцатилетние девочки из средней школы Линкольна обнаружили ее во время экскурсии по естествознанию.

«Она походила на голого пупса», — поведала одна из них, Натали Джексон, телевидению Сан-Франциско.

Это произошло год назад. Теперь кошмары донимали школьниц уже реже.

У большинства горожан память об убийстве Таниты начала тускнеть, хотя лицо девочки все еще взидало с автобусных остановок, витрин и наклеек на бамперах — образ столь же знакомый району Залива, как мост «Золотые ворота» или Пирамида «Трансамерика»¹. На

¹ Второй по высоте небоскреб Сан-Франциско.

какое-то время облик девочки стал олицетворением страданий Сан-Франциско. Размытая, зернистая, увеличенная копия цветного снимка: на уговоры мамы улыбнуться Танита робко обнажает свои мелкие молочно-белые зубки. Каштановые волосы прихвачены парой розовых заколок-бабочек. На ней хлопковое платьице с кружевной оторочкой, а к груди она прижимает белого плюшевого мишку. Темные глаза искрятся, как звездочки.

«ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ!» — зывали жирные черные буквы у нее над головой. Ниже значились детали, когда и где Таниту видели живой в последний раз. Двадцать пять тысяч долларов сулилось за информацию, способную привести к поимке убийцы. Но претендентов не нашлось.

Убийца Таниты Мари Доннер по-прежнему разгуливал на свободе.

Поезд мчался по туннелю скоростной системы Залива, а трехлетний Даниэль Рафаэль Беккер все не отводил глаз от плаката с Танитой Мари Доннер.

— Па, а кто это? — спросил он своего отца.

— Не тыкай пальцем, Дэнни. Это так, просто девчужка. Прошу тебя, сиди смирно. Скоро уже будем дома.

Натан Беккер поудобней оперся о спинку сиденья и открыл бизнес-раздел субботней «Сан-Франциско Стар», рассчитывая закончить статью, которую начал читать еще дома, перед тем как вместе с Дэнни отправиться на матч. Натан был сисадмином и на работу в Маунтин-Вью добирался на пригородной. Статья была о его фирме, находящейся сейчас на грани революционного прорыва. Матч оказался тягомотным: «Атлетикс»¹ посрамили «Янкиз»². Дэнни заскучал, и на шестом иннинге³ со стадиона пришлось уйти. Оно и к лучшему: еще предстояло ехать аж в Дейли-Сити за кистями для рисования — Натан обещал

¹ Бейсбольная команда Окленда, соседнего с Сан-Франциско города.

² Нью-йоркский бейсбольный клуб.

³ Двухчастный период в бейсбольном матче.

их жене, Мэгги. Путь неблизкий, и зря он поддался на упрашивания Дэнни поехать на БАРТе¹.

Поездами за неделю Натан насытился сверх меры. От магазина до дома надо бы взять такси.

День начинался как обычно летом, по субботам, когда Натан с Дэнни как друзья не разлей вода планировали какие-нибудь вылазки.

— Дэн, а давай махнем сегодня в Окленд, на бейсбол? — предложил за приготовлением омлета Натан.

— А волну гнать будем? — заправски осведомился сынишка.

— Ну а как же.

Дэнни звонко рассмеялся.

Мэгги в это время еще спала наверху.

Натан взъерошил сыну волосы и стал смотреть, как он ест. Глаза мальчика излучали невинность. «Кровинка моя, чудо чудное». О как он его любил. Черт бы побрал это повышение по службе: теперь от выходных до выходных ребенка предстоит видеть лишь урывками, уходя спозаранку, а возвращаясь, когда Дэнни уже спит; прокрадываться к нему в комнату на цыпочках, как вор, после очередного суматошного дня.

Джордан Парк представлял собой дремливый квартал под сенью пальм, похожих на перьевые метелки, — викторианские дома в окружении лужаек, зеленых и гладких, как бильярдные столы. Оазис для молодых профессионалов, не такой фешенебельный, как Пасифик-Хайтс. Впрочем, сегодня насчет фешенебельности можно было и поспорить. Если бы не Дэнни: он вдруг затребовал отправиться в Окленд подземным экспрессом.

— Поехали лучше на «бимере»², Дэн? Опустим верх и двинем.

¹ Система скоростного транспорта в области залива Сан-Франциско.

² Прозвище автомобилей «БМВ».

— Не, па. Я хочу на поезде, как ты. БАРТ, он же прямо под Заливом идет. Снизу.

— Да знаю, что снизу, — вздохнул Натан. — Ладно, давай.

Перед уходом Натан прилепил к холодильнику записку и с неохотой оставил в гараже свой «БМВ». Вместе с Дэнни они отправились на автовокзал, сели на автобус, затем на фуникулер до Эмбаркадеро, где эскалатор со скоростью похоронной процессии опустил их в подземку, петляющую по зоне Залива.

Услышав, как они ушли, Мэгги Беккер поднялась с постели, неспешно приняла душ, надела халат и заварила чайничек «Эрл Грей». Наслаждаясь одиночеством и спокойствием в доме, она уютно устроилась на диване в гостиной и приступила к чтению журнальной рубрики искусств. Спустя какое-то время она надела потертые джинсы, свободный свитер и поднялась наверх в свою студию — просторную яркую комнату с фанерным полом и окнами от пола до потолка с видом на внутренний дворик, где розарий и верхушки деревьев обрамляли вид на небольшой парк с искусственным прудом, по глади которого скользили лебеди. Это было святилище Мэгги.

Здесь она оплакивала выкидыш своего первого ребенка, утраченного из-за падения со стремянки (Мэгги тогда клеила обои в детской). Врачи сказали, что ее матка получила повреждение и отныне шансы успешного вынашивания ребенка не более трех к десяти. Предложили вариант усыновления. Несколько месяцев спустя Натан начал оставлять ей брошюры из агентств.

Мэгги выбрасывала их в мусорную корзину, отказываясь позволить жестокой, уродливой случайности лишить ее материнства.

Натан это понял.

И именно здесь, во время наблюдения за лебедями, молитвы Мэгги оказались услышаны. Она тогда носила

под сердцем Дэнни и, прижав руки к животу, молила Бога о позволении оставить ей этого ребенка.

И Господь ей внял.

Их малютка, живой и здоровый, появился на свет посредством кесарева сечения. Наречен он был Дэниелом (по отцу Натана) и Рафаэлем (в честь итальянского художника, чье творчество Мэгги боготворила). Дэнни был ее светом, ее ангелом, ее надеждой. Рождение ребенка воскресило супружескую любовь, а в Мэгги еще и пробудило художественные устремления, увядшие было с потерей их первого ребенка. Здесь, на перестроенном чердаке, Мэгги создала ряд вдохновенных акварелей, снискавших спрос в арт-галерее ниже по полуострову.

Мэгги сняла парусину, укрывающую незаконченный пейзаж, выбрала нужные кисти; вдохнула пряный аромат красок, мешающийся с веющим в окно запахом свежескошенной травы.

Такого умиротворения в своей жизни она не испытывала давно.

Поезд подъехал к следующей станции. Разъехались автоматические створки дверей. Снаружи в вагон вместе с сутолокой выходящих и входящих ворвался сыроватый воздух. Звякнул сигнал, а вместе с ним механический голос: «Осторожно, двери закрываются!» Через пару секунд дверные створки сомкнулись. Поезд дернулся и поехал, набирая ход по мере углубления в туннель.

— А сколько еще остановок, па?

— М-гм, — отозвался Натан. Углубленный в газету, он не замечал наводнивших вагон новых пассажиров. Такова уж была его уютная привычка транзитного пассажира: не замечать ничего вокруг, забываясь в чтении прессы.

Дэнни поглядел на газету, за которой скрывалось отцово лицо. От скуки он стал пересчитывать пальцы у себя на ручонке. Вспомнив хот-дог, который папа дал ему на стадионе, он облизнулся: вот бы сейчас еще один.

Дэнни зевнул, а потом поглядел через вагон на плакат Танины Мари Доннер и, встав с места, подошел и стал его разглядывать.

— Я вон туда, па.

— Ага, — сказала газета.

Поезд на ходу колыхнуло. Дэнни накренился и выпрямился, попутно заметив, как блеснула и качнулась серебристая цепочка в ухе какого-то тинейджера на проходе. Покачиваясь в такт движению поезда, она ритмично взблескивала, как часы гипнотизера, подманивая Дэнни к себе. Он осмотрительно обступил вытянутые загорелые ноги подростка, занятого чтением журнала о мотоциклах; параллельно тинейджер потряхивал головой под какую-то музыку, шелестящую в наушниках-пуговках. Внезапно в сторону Дэнни устремилась доска для скейта.

Дэнни напрягся, но тут доску остановил потертый «рибок» какой-то девчонки в футболке не по росту. Дэнни двинулся дальше, не обращая внимания на пассажиров, пока не остановился перед тем тинейджером с цепочкой. Лицо паренька рдело сыпью наливных прыщей. Иссиня-черный ирокез был прихотливо взбит в корону из шести набриолиненных шипов — эдакий взрыв парикмахерской снети. На ногах черные тупорылые ботинки, драные черные штаны, а над ними черная майка с черепом, скалящимся из черного клепаного кожаного.

Дэнни указал на цепочку:

— Это что?

Тинейджер перестал нажевывать жвачку, приоткрыл рот и хихикнул, как от щекотки. То же самое проделала его подружка. Волосы у нее были лиловые, цепочка поменьше, но в целом она была в таком же прикиде, вплоть до нажевывания жвачки. С парнем они держались за руки. Тот подался к Дэнни, повернулся к нему ухом и потряхнул цепочку.

— Это амулет, — осклабился он. — Чтобы в жизни перло. Тебе тоже надо такой завести.

Девчонка игриво ухватила своего дружка за пах и, сделав губы уточкой, спросила Дэнни:

— А вот это что?

Это называлось «пенус». Дэнни помнил, как мама его однажды вечером мыла в ванне, а он спросил, что это, и она ответила. Только потом он это слово забыл, а сейчас вот вспомнил.

— У тебя пенус чешется? — спросил он, на что эта парочка отреагировала скабрёзным смехом и поднялась выходить.

Поезд замедлял ход. На Дэнни напирала сзади, чье-то колено едва не сшибло его с ног. Он очутился в непролазном лесу из людских ног. Механический голос гаркнул название станции. Дэнни пытался вернуться к отцу, но дорогу ему преградили скейтборд, магазинные пакеты, кожаный кейс, какой-то рюкзак. Людская масса надавала, теснила все ближе к дверям. Дэнни пробил слепой страх, руки сжались в кулачки; он колотил ими по рукам и ногам, но пробиться не мог. Поезд остановился. С шипеньем разъехались двери. Толпа вынесла Дэнни наружу. Зовя отца, он запнулся и больно упал на холодный, грязный бетон платформы. Вокруг кишели люди, и он тонул в этой буче. Судорожная суতোлка гетто гудела своим грозным ритмом. Плача и криков ребенка никто не слышал. В отчаянии Дэнни вскарабкался на ноги. К его ладонке прилип окурок. Мальчика метало от одного взрослого к другому. Он потерял ориентир, а единственной мыслью было попасть обратно в вагон. Там уже звякнул сигнал отправления.

«Скорее в поезд! В поезд, скорее!»

Дэнни вдруг ощутил, как его властно подхватывают две больших, сильных руки.

Заслышав сигнал, Натан опустил газету и повернулся к Дэнни. Его на месте не оказалось. Вот же бесенок...

Он отбросил газету и принялся рыскать по вагону, разыскивая меж сиденьями сынишку. Какого черта? Куда он заделался? Не мог же он...

«Нет, нет!»

Сердце туго ударило в ребра. Натан побежал по вагону из конца в конец, расталкивая по дороге людей, заглядывая под каждое сиденье.

— Ты че, дядя?

— Ну вы даете...

— Мой сын, Дэнни... Я ищу моего мальчика, он...

Двери сомкнулись, и поезд дернуло вперед.

— Стойте! Погодите! — проговорил Натан, нелепо веля вагону остановиться.

Поезд с гудением набирал ход.

«Где мой сын?»

К горлу подкатила тошнота, спина взмокла от холодного пота. Через окно, на платформе, он увидел Дэнни в руках незнакомца, уже исчезающего в толпе.

В рывке к стоп-крану Натан сбил с ног пожилую женщину.

«Нет! О боже, нет!»

На отца Дэнни со стылой улыбкой взирала Танита Доннер.

2

На момент похищения Дэнни Беккера дежурная смена сидела в редакции «Сан-Франциско Стар».

Том Рид, автор криминальной рубрики, заканчивал короткий хит о семидесятидвухлетнем алкаше, которого пилкой для ногтей пришила пятидесятидвухлетняя шлюха. Дело было в одном из борделей Тендерлойна. Шлюха была не в духе и смотрела по ящику над барной стойкой бейсбол («Атлетикс» против «Янкиз»), а алкаш

домогался, чтобы она в свой перерыв работала. Она же едва успела хлебнуть пива и начать обихаживать себе пилкой ногти. Алкаш, дав волю рукам, сунулся пальцами куда не следует, за что и истек кровью прямо за ее столиком. Половину матча никто этого не замечал. А алкаш, оказывается, в свое время участвовал в строительстве моста «Золотые ворота». Семидесятое убийство этого года. Итоги жизни покойного Рид подбил в двух убористых колонках, после чего ударом по клавишам пульнул материал Элу Буту — ассистенту, сидящему в редакторском отсеке.

Следующим движением Рид дохлебнул тепловатые остатки кофе. Пошел четвертый час смены. Так или иначе, а день надо продержаться. Голова снова гудит с бодуна. Потирая виски, Рид оглядел всякую дребедень, пришпиленную к стенке его закутка: полицейские номера, пожелтелая вырезка о его победе на национальном конкурсе криминальных репортажей (второй раз подряд, четыре года назад), а рядом фотографии: жена Энн и их девятилетний Зак, мечтающий стать репортером, как папа.

Такова была его жизнь или ее видимость. Источники Рида нынче общались с ним редко. Работа, за которую он удостоился награды, была позабыта. Энн вот уже скоро полгода как уехала к своей матери, взяв с собою Зака. Сама жизнь шла как будто под откос. Словно животное, грызущее на себе рану, которую не удастся зализать, он возвратился к газетным вырезкам и истории, что покрыла его дурной славой. Дело Таниты Мари Доннер.

Рид со страниц «Стар» вел репортаж о ее похищении и убийстве, вплоть до последовавшего самоубийства, судебного процесса и приостановки дела. Прошел почти год с тех пор, как он в последний раз писал о малолетней жертве и о человеке, который, по его мнению, лишил ее жизни. Дело осталось нераскрыто, а газета, претерпев скандал и период растерянности, теперь до-